

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Удаленная занятость в период пандемии COVID-2019: исполнение желаний и «апокалипсис-лайт». DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 45–60.

УДК 323.3:331.1:7.067

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60

Удаленная занятость в период пандемии COVID-2019: исполнение желаний и «апокалипсис-лайт»¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

ResearcherID: K-2346-2018

SPIN-код: 8725-9656

*Статья поступила 01.02.2021, принята к печати 10.03.2021,
доступна online 05.04.2021*

Статья посвящена имеющимся в обществе ожиданиям, связанным с COVID-2019. Показано, что из них в целом складывается картина будущего, так или иначе

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

© Фишман Л.Г., 2021

близкая к антиутопической или к такой, у которой без труда обнаруживается антиутопическая подоплека. Автор обосновывает, что сами ситуации кризиса и катастрофического выхода из него вызывают не только негативный отклик в душах многих людей и являются важным элементом если не мировой, то европейской культуры, частью которой мы являемся. Жизнь в условиях пандемии и есть в определенном смысле удовлетворение желаний, вытекающее из даруемых ситуацией новых возможностей и расширения границ прежней свободы. Не случайно имеющий место дискурс об удаленной занятости оперирует терминами удовлетворенности, счастья, исполнения желаний. Рассматривается роль «апокалипсиса-лайт» в современной культуре. Делается вывод, согласно которому мы вступили в эпоху, когда такие «апокалипсисы-лайт» в общественном сознании и бессознательном отчасти заменяют революции, никак не оправдываемые связываемые с ними надежды. Поэтому нередкое сегодня обещание дальнейших катастроф означает молчаливое признание того, что мир, в котором идея революции дискредитирована, не перестает нуждаться в переменах, и потому обречен на повторение контролируемых апокалипсисов.

Ключевые слова: COVID-2019, утопия, антиутопия, удовлетворение желаний, дистанционная занятость, счастье, «апокалипсис-лайт».

События, связанные с COVID-2019, привычно рассматриваются как триггер различных изменений, как катастрофа, которую усугубили экономический кризис и меры, предпринятые для борьбы с пандемией. Что будет после пандемии? Новый тоталитарный мир или более высокие степени свободы? Недостатка в ответах на эти вопросы нет. Они, по большей части, отражают мировоззренческие установки отвечающих и их желание видеть постковидный мир как результат кажущихся им необходимыми преобразований. Целью предлагаемой статьи не является детальный разбор данных установок и пожеланий, несмотря на то что голоса тех, кто их озвучивает, часто оказываются громче прочих. Здесь мы, опираясь как на данные научных исследований, так и на иные источники, хотим показать, что в том, каковым станет мир будущего, большую роль будут играть, во-первых, исполнение желаний множества «обычных людей», затронутых практиками периода пандемии (в первую очередь, практиками дистанционной занятости), и, во-вторых, позитивные ожидания, связанные с катастрофами как таковыми, в нашей культуре.

Привычные ожидания: смесь утопии и антиутопии

Тем не менее мы начнем с ожиданий ученых и публицистов, которые, по сути, не изменились сравнительно с тем, что ими говорилось до пандемии (см. об этом: Фишман, Мартыанов 2020). В общем виде эти ожидания представляют собой своего рода привычную смесь утопических и антиутопических прогнозов, оптимизма и алармизма. Хороших ожиданий в целом немного. В основном речь идет о картине будущего, так или иначе близкой к антиутопической или к такой, у которой без труда обнаруживается антиутопическая подоплека. Самый яркий пример тут, вероятно, – нашумевшая книга К. Шваба и Т. Маллерета о «великой перезагрузке». Авторы пытались выразиться максимально обтекаемо. Они рисовали такую

картину будущего, где преодолевается бездумная установка на экономический рост, но рост все же не прекращается; где правительства уделяют больше внимания «инклюзивному» и «устойчивому» подходу к управлению и измерению экономики, который также способствует росту рабочих мест, улучшению уровня жизни и защиты планеты (Schwab, Malleret 2020: 50)¹; где, наконец, исчезнет неолиберализм, отрицающий солидарность в угоду прибыли и доказавший свое банкротство тем, что две самые подверженные ему страны, Великобритания и США, понесли во время пандемии самые большие потери (Schwab, Malleret 2020: 61); где правительства заставят компании предлагать работникам контракты с такими льготами, как социальное и медицинское страхование (Schwab, Malleret 2020: 140) и т.д. Критики сразу же обнаружили антиутопическую подкладку этого прекрасного мира, отметив, что он описан языком, «принятым капитализмом, когда он отказывается от претензий на либеральную демократию и переключается на полностью фашистский режим»; по их мнению, такой сценарий означает «фашистское слияние государства и бизнеса», что ведет к дальнейшему укреплению могущества государства и к миру, в котором правительства, скорее всего, будут в интересах общества переписывать правила игры и постоянно повышать свою роль (Winter Oak 2020); в конечном счете все это «имеет под собой совершенно сатанинскую подоплеку» и есть «подготовка к антихристу» (Соловьёва 2020). Если даже капитализм рухнет, то нечто, идущее ему на смену, далеко от идеала. «Освобожденные от конкуренции, – замечает Я. Варуфакис, – колоссальные платформенные компании, такие как Amazon, удивительно хорошо справились с крахом капитализма и заменой его чем-то, напоминающим техно-феодализм» (Varoufakis 2020). Тревогу вызывает и перевод в режим онлайн изрядной части экономики, политики, культуры. В этом усматривается «возможность эмуляции реальности, в которой взаимодействовать между собой начнут “реплики-голограммы человека”, объединенные его “электронной личностью”. В то время как их “неповторимые оригиналы” могут быть заперты в тюрьме прямых физиологических потребностей или вообще оказаться лишены права на существование. Все переходит в виртуальное измерение бытия: деньги, товары, услуги, сами люди...»² В перспективе видятся сворачивание демократии, принудительная привязка населения к местам проживания, отказ от массового очного образования, редукция целых направлений экономической деятельности, всевластие цифровых корпораций, опора на агрессивные, деструктивные меньшинства, грубый уличный террор в отношении оппонентов³. Отмечается, что

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л.Ф.

² Россия вырывается из матрицы «Темных веков»: Владимир Винников подвел итоги 2020 года, 30.12.2020. URL: https://riafan.ru/1362116-rossiya-vyrvaetsya-iz-matricy-temnykh-vekov-vladimir-vinnikov-podvel-itogi-2020-goda?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 01.03.2021).

³ Бойков И. Трамп проиграл окончательно. Что дальше? 11.01.2021. URL: <https://www.km.ru/world/2021/01/11/otnosheniya-rossii-i-ssha/884729-tramp-proigral-okonchatelno-chto-dalshe> (дата обращения: 01.03.2021).

Covid-19 предельно обнажил размежевание, уже существующее в мировой экономике, характеризующееся разнообразными проявлениями экономического неравенства, подавлением прав наемных работников, дискриминацией в отношении женщин, мигрантов и других лиц. «Эти факторы стали движущей силой национализма, экстремизма и недоверия во всех регионах мира»¹.

«Франшиза коронабесия» (по выражению М. Делягина) имеет своей целью скрыть от общественного сознания довольно-таки мрачное будущее, «замаскировать глубину перехода, который человечество сейчас совершает, чтобы снизить травматичность этого перехода для психики»². Если какая-то надежда на лучшее есть, то она весьма умеренная и омраченная скептицизмом. Предполагается, что в любом случае восстановление мировой экономики после спада, вызванного пандемией, будет длительным³. В плане социальной политики тоже многого ждать не стоит: «...если тема борьбы с неравенством выйдет на первый план в мировом масштабе, то, возможно, у нас в России тоже станут делать для уменьшения неравенства хотя бы немного больше, чем сейчас»⁴.

Словом, если подытожить подобные ожидания, все выглядит плохо сейчас и будет еще хуже; всякая попытка нарисовать утопию тут же оборачивается антиутопией. В данной ситуации не слишком помогают популярные рассуждения на тему «кризис – это возможности». Безусловно, разного рода кризисы в итоге ведут к прогрессу в технике, науке, быту и в конечном счете способствуют общему улучшению жизни. Однако высказываются обоснованные опасения, что новыми возможностями и плодами прогресса смогут воспользоваться далеко не все. Иными словами, будущее не осуществит наших желаний, а если и осуществит некоторые, то ненадолго и неудовлетворительным образом. Настоящее во время пандемии, если даже не учитывать сугубо материальных и иных лишений, тоже не сулит ничего хорошего.

Плюсы «апокалипсиса-лайт»

Однако, подойдя к таким заключениям касательно настроений ученых и общественных деятелей, трудно, несмотря на имеющиеся под ними основания, избавиться от ощущения, что мы упустили нечто важное.

¹ Барроу Ш. COVID: куда теперь? 30.12.2020. URL: <https://www.solidarnost.org/Blog/barrou/covid-kuda-terper.html> (дата обращения: 01.03.2021).

² Михаил Делягин: Коронавирус с нами навсегда, 22.10.2020. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2020/10/28/koronavirus/881342-mikhail-delyagin-koronavirus-s-namivsegda> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Робертс М. Економіка пандемії: чому світ стоїть на порозі нової кризи, 11.02.2010. URL: <https://commons.com.ua/uk/ekonomika-pandemiyi/> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Куликова Т. Станет ли 2020 год началом новой «эпохи беспорядка»? 17.09.2020. URL: <https://csruso.ru/nashi-universitety/politjekonomija/stanet-li-2020-god-nachalom-novoj-jepohi-besporjadka/> (дата обращения: 01.03.2021).

И это важно заключается вот в чем. Да, навевающие антиутопические ассоциации последствия пандемии сулят мало хорошего и, кажется, имеют мало общего с удовлетворением желаний. Но надо учитывать, что *сами ситуации кризиса и катастрофического выхода из него (по крайней мере, постфактум) вызывают не только негативный отклик в душах многих людей и являются важной частью если не мировой, то европейской культуры. Жизнь в условиях пандемии и есть в определенном смысле удовлетворение желаний, вытекающее из даруемых ситуацией новых возможностей и расширения – как это ни парадоксально – границ прежней свободы.*

Эффективность, удовлетворение желаний и счастье

Примеры этих новых возможностей и их границ легче всего найти в распространившейся практике удаленной работы и учебы и связанных с ней изменениях в образе жизни. По нашему мнению, следует обратить особенное внимание на комплексный, превосходящий экономические, политические или даже культурные рамки, антропологический характер складывающегося дискурса, в котором соображения эффективности переплетаются с дискурсами удовлетворенности, свободы, счастья, исполнения желаний¹.

Несмотря на то что удаленная занятость воспринимается многими как нечто потенциально вредное, несущее большие издержки в социальном смысле, нельзя не отметить, что у большинства ряд практик эпохи ковида не вызывает отторжения. Изменения, обозначившиеся во времена самоизоляции, локдаунов и удаленной работы, ослабляют удавку *modus vivendi*, сложившегося в период промышленной революции и урбанизации. Мало кому нравятся жизнь по графику, ежедневный подъем по будильнику, подстегивание себя ради поддержания в тонусе привычными стимуляторами в виде алкоголя и никотина, разнообразные способы, которыми тебя принуждают соблюдать трудовую дисциплину, и еще десять тысяч вещей, из-за которых большинство трудоспособного населения с нетерпением ждет пятницы. Поэтому при всех страхах пандемия встречалась и робкими надеждами на то, что «дистанционная занятость всем так понравится, что потом за уши не оттащишь». И это – вне зависимости как от реальной экономической эффективности дистанционной занятости, так и от действительных преимуществ и недостатков, которыми отличается последняя с точки зрения вовлеченного в нее человека.

В самом деле, если мы ознакомимся с разного рода прагматическими и экономическими соображения по поводу удаленной занятости, то заметим, что они, мягко говоря, противоречивы.

В пользу удаленной занятости свидетельствует ряд постоянно воспроизводящихся прагматических соображений, согласно которым удаленные сотрудники так же эффективны, ибо почти не берут отгулов или больничных, лучше концентрируются на задаче. Труд вне офиса экономит

¹ Что можно обнаружить уже в исследованиях периода до пандемии, посвященных удаленной занятости (см., напр.: Contreras et al. 2020).

деньги работника и дает не менее ощутимую экономию работодателю. Она приносит выгоду и сотрудникам, так как значительно снижаются расходы не только на обеды в кафе и ресторанах вне офиса, но и на амортизацию автомобиля, одежды или обуви. Помимо прочего, указывается, что дистанционная занятость влечет за собой немалую экономию вообще на всяких расходах, если речь идет о переезде работника из дорогого региона в дешевый при сохранении прежней зарплаты. Для бизнеса это означает возможность сразу нанимать менее дорогих работников из провинции там, где это не влияет на качество работы.

В то же время совсем не редки соображения, полностью или частично дезавуирующие сказанное выше. В ряде случаев командной работы высокая продуктивность является следствием тесного взаимодействия именно оффлайн – и этот эффект сильнее для срочных и сложных задач. Кроме того, к примеру, у исследователей продуктивность удаленной работы в среднем выше, «чем у менеджеров и сотрудников», а «разброс производительности очень велик даже в пределах одного занятия» и лишь «небольшое количество людей ответило, что их продуктивность дома выше, чем в офисе»¹. К однозначно негативным последствиям перевода работников на дистант относят рост уровня бюрократии, падение креативности ввиду лишения живого неформального общения и снижение продуктивности по причине невозможности для ряда работников надолго сосредоточиться на своих обязанностях из-за необходимости отвлекаться на бытовые и семейные дела². Не случайно, по данным одного из социологических исследований, о повышении производительности чаще сообщали респонденты, не живущие с детьми и, следовательно, менее склонные к неожиданным перерывам в работе. А те, кто имеет высшее образование и ученую степень, оказывались менее продуктивными (Shi Xiao et al. 2020).

Не менее значима та часть дискурса об удаленной занятости, которая оперирует терминами удовлетворенности, счастья, исполнения желаний.

Действительно, в некоторых отношениях для многих людей жизнь во время пандемии и дистанта стала чуть больше отвечать их давним желаниям и потребностям. То же самое снижение беспокойства о финансовом положении, обусловленное упомянутой выше экономией, благотворно

¹ Morikawa M. COVID-19, teleworking, and productivity, 10.04.2020. URL: <https://voxeu.org/article/covid-19-teleworking-and-productivity> (дата обращения: 01.03.2021).

² За что боролись: почему Facebook и Google страдают от удаленки, 08.11.2020. URL: https://zen.yandex.ru/media/rbc_trends/za-cto-borolis-pochemu-facebook-i-google-stradaiut-ot-udalarki-5fa6ef8d1aeb58326c18ff58 (дата обращения: 01.03.2021).

³ Шаповалова В. Remote control: почему удаленной работы станет только больше, 20.01.2021. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/18742-remote-control-pochemu-udalennoy-raboty-stanet-tolko-bolshe?utm_source=vkontakte&utm_medium=smm&utm_campaign=18742&utm_content=post&utm_term=21.01 (дата обращения: 01.03.2021).

тем, что снижает общий уровень напряжения³. Отмечается, что на дистанте у многих улучшилось качество сна, которое ассоциируется с качеством жизни вообще, а кто-то получил возможность больше внимания уделять своим хобби – и все это не снизило производительности труда. Да и в целом участие в деятельности, не связанной с работой, помогло компенсировать потребность в непрерывной работе (Shi Xiao et al. 2020), которая столь характерна для многих наших современников. Однако если для некоторых трудовой коллектив в той или иной степени заменяет семью, то отдельные категории людей, напротив, чувствуют себя психологически комфортней, минимизируя общение «в реале». Тесное взаимодействие с коллективом не выглядит однозначным благом для них самих, и так же верно обратное.

Как замечает один из российских публицистов, «обыватели, обустроившись в разного вида “экосистемах”, вряд ли уже захотят вылезать оттуда своей тушкой на солнышко и тем более на холодные ветра. Уж слишком все там удобно, чтобы не вставать с дивана и не выходить/не выезжать из дома. Снаружи ведь плохая экология, пробки и платные парковки с платными дорогами между ними»¹. Поэтому не удивительно, что, как следует из результатов исследования сервиса по поиску работы SuperJob, в конце 2020 г. желающих остаться на удаленной работе после нормализации эпидемиологической обстановки обнаружился 41%, тогда как в апреле их было 19%². Удаленный сотрудник чувствует себя счастливее ввиду самой возможности «хотя бы иногда самостоятельно выбирать условия труда» и не спешит утром³. Если не счастливей, то комфортней, как выяснилось, чувствуют себя дистанционные работники с иммиграционным прошлым: уменьшение физического контакта с клиентами и коллегами влечет и снижение дискриминации по этническому признаку (Baert et al. 2020: 15). Однако степень субъективной удовлетворенности дистанционных работников существенно зависит от того, являются ли они родителями или нет; работают ли они в будние дни или в выходные и праздничные. Например, родители, особенно мужчины, менее удовлетворены, если им приходится брать работу на дом в будние дни; в то же время степень удовлетворенности возрастает, когда работа берется на выходные или праздники (Song, Gao 2020).

В некоторых отношениях дистант понравился студентам, которые «уже привыкли к дистанционному формату, нашли в нем много плюсов – в частности возможность совмещать учебу с работой и другими занятиями»⁴.

¹ Бовт Г. Он ушел. Все будет хорошо, 14.01.2021. URL: <https://blogrb.ru/author-articles/264953> (дата обращения: 01.03.2021).

² Желających остаться на удаленке навсегда стало больше в 2 раза, 26.12.2020. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112617/zhelayuschih-ostatsya-na-udalenske-navsegda-stalo-bolshe-v-2-raza/> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Шаповалова В. Remote control: почему удаленной работы станет только больше.

⁴ Ефимова А. «Решение противоречиво»: почему в вузах боятся выхода с дистанта, 29.01.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/01/29/13459958.shtml> (дата обращения: 01.03.2021)

Отдельно отметим, что осмысление благ удаленной занятости (и не только занятости в смысле работы) в категориях счастья и удовлетворенности прямо связано с проблематикой самореализации и переоценки жизненных ценностей. Поэтому нередки высказывания в том духе, что: «коронавирус нанес мощный удар по понтам в образовании высшем. Встал вопрос: а зачем платить за обучение в крутом университете порой десятки тысяч долларов, чтобы потом тебе не дали визу или перевели на дистант? Оно того стоит? Ответ на этот вопрос может сформироваться уже в самое ближайшее время. У дистанционного обучения в высшем образовании куда больше шансов на развитие, чем в школьном»¹. Впрочем, и в школьном образовании оказывается не все плохо, поскольку обучение онлайн может осмысливаться не как временная неполноценная замена очным урокам, а как совершенно другой жанр, дающий новые возможности тем, кто хочет и может ими воспользоваться. «И этот новый жанр порой куда более эффективен! Он позволяет пригласить на урок специалиста, который постеснялся бы прийти в школу, позволяет совместно работать над текстом, программой или базой данных, позволяет участвовать в уроках даже тем, кто вчера простудился или сегодня обленился. Это куда более гибкая форма, но она, с другой стороны, требует от ребенка желания. И если он не хочет учиться – заставить его невозможно»².

Что останется после пандемии?

На наш взгляд, было бы ошибочным отвечать на этот вопрос, как это нередко делается, некритически экстраполируя на будущее ряд практик, вызванных сугубо эпидемиологической спецификой сегодняшнего кризиса. Утверждения вроде «медицинская маска может стать такой же привычной деталью повседневного гардероба, как капюшон или шарф»³ имеют под собой не больше оснований, чем как если бы после мировых войн предсказывалось, что солдаты и в мирной жизни продолжат по привычке ходить в каске.

С позиции сегодняшнего дня мы не можем дать достаточно взвешенного ответа о перспективах дистанционной занятости и иных связанных с пандемией практик. Причина банальна: массовый и резкий переход к дистанционной работе в условиях пандемии (даже в тех секторах и сферах деятельности, которые вряд ли будут экспериментировать с удаленной работой в обычных обстоятельствах) обусловил ряд негативных явлений, которых не произошло бы или которые были бы сглажены (и сглаживаются методом проб и ошибок) в относительно нормальных условиях. То, что способно несколько расширить степень доступной наемному работнику свободы, в экстремальных условиях пандемии не может полностью

¹ Бовт Г. Он ушел. Все будет хорошо.

² Десницкий А. Дивный новый частный мир, 20.01.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13447304.shtml> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Мир постковидного периода: как пандемия навсегда изменит нашу жизнь, 25.05.2020. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/184481> (дата обращения: 01.03.2021).

реализоваться хотя бы потому, что удаленная работа во время изоляции оказывается заряжена сильным негативным эмоциональным компонентом, связанным с неуверенностью в сохранении здоровья и даже самой жизни. Поэтому наиболее обеспокоенные по поводу разных аспектов, не соотносимых с профессиональной деятельностью, работники показывают «более скромный рост во взаимосвязи между производительностью удаленной работы и удовлетворенностью удаленной работой» (Toscano, Zappalà 2020).

Тем не менее мы окажемся в действительно новом мире, когда отягощающие возможность адекватного прогноза эпидемиологические факторы сойдут на нет. В нем будут распространены разнообразные сочетания дистанционной и обычной занятости, которые дадут большему числу людей большую степень комфорта и свободы, нежели прежде. Не все из них будут полностью новыми. Однако возможность выбирать время и место для выполнения профессиональных обязанностей, что было доступно в основном элитам, интеллектуалам, представителям свободных профессий, станет реальной для некоторой части тех, кому в этом раньше было отказано. Например, некоторые работники, выполняющие «низкоквалифицированные и стандартизированные задачи», получили большую степень свободы от прямого контроля; некоторые «смогли занять больше ниш независимости в новой ситуации и были в большей степени способны противостоять давлению руководства, требующему большего контроля и стандартизации». Все они имеют теперь возможность более гибко управлять своим временем. «И именно по этой причине подавляющее большинство респондентов желают закрепить практику удаленной работы также после окончания изоляции» (Massimo 2020).

Как говорил Спиноза, для человека самым ценным является другой человек; в то же время, по словам Сартра, «другие» являются «адам». Происходящая оптимизация практик занятости означает сохранение взаимодействия с «другими» и прежних дисциплинарных практик ровно (в идеале) настолько, насколько это технически необходимо для выполнения собственно работы и частично для поддержания психологического комфорта, удовлетворения определенных экзистенциальных потребностей. В этом смысле тонкая настройка занятости, делающая ее «гибридной» (сочетание онлайн и оффлайн), может поднять эффективность работы, облегчить психическое состояние многих, притушить для них огни этого вечного горящего ада. Гибридная занятость в пронизанном антагонизмами и отчуждением обществе способна хотя бы слегка смягчить последствия этого отчуждения. Она не исправляет социальных пороков, но позволяет на индивидуальном уровне несколько уклоняться от их последствий. Это шаг вперед к свободе создавать для себя чуть более комфортный мир с меньшей долей обезличивающих дисциплинарных практик и прямого принуждения и самопринуждения. Разумеется, ее потенциальными противниками оказываются те, чьи экзистенциальные потребности, в том числе и удовольствие от отношений доминирования и прочих отчуждающих отношений, перестанут удовлетворяться или будут удовлетворяться

в меньшей степени, чем прежде. Насколько они будут иметь успех – это уже, как говорят марксисты, определяет «соотношение сил в классовой борьбе» и экономическая целесообразность.

Мир, нуждающийся в «апокалипсисах-лайт»?

Из сказанного выше может возникнуть впечатление, что мы рассматриваем пандемию как событие достаточно случайное, чья функция (быть триггером назревших изменений) с успехом могла бы быть выполнена если не революциями, так реформами, как это было еще в относительно недавнем прошлом. Однако это не верно. Значение пандемии во многом обусловлено тем, какую роль стал играть сам концепт катастрофы, апокалипсиса, крушения мира в общественном сознании, о чем косвенно свидетельствует обилие фильмов и книг на данную тему, появившихся в последние десятилетия¹.

Ситуация катастрофы открывает пути для удовлетворения желаний не только в том мирном и рутинном облике, который был описан выше. Катастрофические события и периоды – это всегда еще и повод для удовлетворения определенного вида индивидуальных и социальных потребностей, которые не могут быть полностью удовлетворены в стабильные времена. Поэтому люди, пережившие, например, тяжелую войну (на фронте или в тылу), нередко вспоминают ее как лучшее время в своей жизни или как время, в которое они смогли испытать утраченные позднее чувства единения, солидарности, воинского братства, причастности к чему-то великому и т.д. Сказанное выше о таких «праздниках общей беды» в значительной мере касается и пандемии COVID-2019. (Следует уточнить, что, хотя, к примеру, солидарность несколько затруднительно проявлять в ситуации, когда требуется минимализация непосредственных контактов с другими людьми, сама самоизоляция, помощь с покупкой продуктов пенсионерам, тщательное соблюдение правил ношения масок и т.д. могут рассматриваться как проявление солидарности.)

Однако описанными выше психологическими коллизиями данный аспект нашей культуры не исчерпывается. У европейцев, в том числе и у нас, чрезвычайно востребована, в первую очередь в области художественной фантазии, апокалиптическая тема. В ней великие катастрофы и возникающие относительно них ожидания играют роль, которую трудно переоценить.

Связанные с катастрофами ожидания суть ожидания на порядок больших, чем ранее, возможностей и свободы – пусть даже и ценою крушения прежнего мира с гибелью большинства или значительной части людей. Возбуждаемая катастрофа здесь выступает как повод сбросить гнет культуры и цивилизации, недовольство которым проявляется в той или иной форме у любого человека. Как заметил в свое время З. Фрейд, «каждый отдельный

¹ Этот массив произведений искусства, разумеется, заслуживает отдельного рассмотрения, однако последнее не является темой нашего исследования. Мы указываем здесь на него исключительно как на факт, самоочевидный для всякого не совсем изолированного от массовой культуры читателя.

индивид виртуально является врагом культуры... Примечательно, что, как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они, тем не менее, ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз» (Фрейд 2013). То же самое относится и к труду, который, как отмечал Э. Мунье, «всегда оказывается навязанным» и содержит «элемент принуждения, сколько бы незначительным он ни был»; последний, правда, ослабляется в той мере, в какой труд «выполняется свободно (а тем более, если он выполняется по призванию или по любви)» (Мунье 1999: 146).

Поэтому и постапокалиптика (литература, кино) выражает не столько пессимизм и эскапизм, сколько стремление к исполнению желаний, обычных для человека общества, пронизанного разного рода принуждением, обусловленным неравенством, борьбой за существование, эксплуатацией и прочими неприглядными явлениями. Даже относительно успешный в таком мире человек далеко не всегда чувствует себя счастливым и самореализовавшимся. И поэтому катастрофа для него является одновременно крушением прежних социальных перегородок, появлением новых возможностей, началом в чем-то лучшего, более естественно-го, нежели утраченный, мира. Постапокалиптика как жанр отвечает желаниям среднестатистического человека, который не может избавиться от недовольства трудом и культурой, но разочаровался в утопиях, призывающих к построению лучшего мира. Что остается после этого? Открытое признание готовности построить свое счастье на руинах такого мира, который все равно невозможно изменить к лучшему. В этом признании единоклассники, к примеру, герои американской постапокалиптики столетней давности и современной российской. Так, главный герой книги Ингланда «Незанятой мир», инженер Стерн, пробудившись спустя тысячелетия после исчезновения человечества, не чувствует себя слабым и разбитым, напротив. То же самое можно сказать и о его спутнице. Характерно, что герои Ингланда в финале поселяются на комфортабельной вилле, ранее принадлежавшей миллионеру; такого, понятно, они не могли позволить себе в своей прошлой жизни (Ингланд). А вот сходные рассуждения, которые современный российский автор приписывает своему герою: «(его. – Л.Ф.) если честно, катастрофа лишила немного – жизнь, какую он был вынужден вести раньше, нравилась ему куда меньше, чем нынешняя, опасная, но зато разнообразная и непредсказуемая, лишенная удушающей рутины существования обычного горожанина. Уж лучше “гориллы”, “собаки” и “кузнечики”, чем монстры прежних времен – бюрократы-чиновники, жадные гаишники или трамвайные хамы. Если нынешние всего-навсего пытались убить тебя, то прежние “сосали кровь” понемногу, растягивали убийство на долгие годы, превращали его в невероятно долгую пытку» (Казаков).

Понятно, что на практике мало кто всерьез пожелал бы радикального расширения возможностей ценой *тотальной* катастрофы. «Миру провалиться, лишь бы мне чай свой завсегда пить» – такие речи уместны, скорее, в устах литературного героя, чем рядового обывателя. Но в период

«апокалипсиса-лайт», не несущего экзистенциальной угрозы человечеству, выявляется некоторый потенциал расширения рамок возможностей и свободы, который легитимируется чрезвычайностью ситуации. И такое развитие событий грозит затянуться на неопределенное время, повторяться снова и снова и даже усугубиться, если верить прогнозам ВОЗ и Билла Гейтса. Тем более что ситуация «апокалипсиса-лайт» достаточно противоречива в плане «недовольства культурой и трудом». Локдауны и жесткая самоизоляция, как мы видим, на индивидуальном уровне повлекли за собой эксцессы, связанные с нешуточными страданиями, вызванными отказом от прежней степени вовлеченности в культурную жизнь и трудовые занятия. Стресс, вызванный последним, породил или обострил ряд имевшихся ранее психических патологий¹, у многих «культурные потери» стали причиной ощущения неопределенности, деперсонализации, постоянного страха, привели к некоторой дегуманизации². Утрируя, можно заметить, что таким образом невольно была осуществлена профилактика «крушения цивилизации», вызванного общим недовольством трудом и культурой. В труде и культуре отказали настолько резко и радикально, что многие ощутили не только их материальную ценность (зарплата), но и экзистенциальную необходимость.

Так или иначе, пандемия на некоторое время открыла окно возможностей для частичной реализации желания ослабить гнет культуры и труда. «Апокалипсис-лайт» может восприниматься как ситуация, в которой возможности и свобода, конечно, не вырастают взрывообразно, однако расширяются быстрее, чем обычно, обнаруживая новые контуры границ свободы.

Но обещания новой свободы могут и не реализоваться, особенно если учесть антиутопические прогнозы. Или если речь идет об «апокалипсисе-лайт», то его одного может не хватить и потому потребуется еще один или больше. Возможно, мы вступили в такое время, когда «апокалипсисы-лайт» в общественном сознании и бессознательном отчасти заменяют дискредитированные³ революции и связанные с ними надежды. Поэтому обещания дальнейших подобного рода катастроф и призывы готовиться к ним, непрерывно оглашаемые различными персонами и организациями, только на

¹ Вознесенская Д. Труссы на голове и мешок соли у дома: как COVID-19 сказался на психике россиян, 15.10.2020. URL: <https://newizv.ru/news/society/15-10-2020/trusy-na-golove-i-meshok-soli-u-doma-kak-covid-19-skazalsya-na-psihike-rossiyan> (дата обращения: 01.03.2021).

² «Возвращения не будет»: как пандемия изменила нашу психологию, 27.01.2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/ideanomics/vozvrasceniia-ne-budet-kak-pandemiia-izmenila-nashu-psihologiiu-6011a0252ff89f235777b4bd> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Это обусловлено крушением «мировой системы социализма», а также последствиями ряда «цветных революций». Сам по себе рост протестной активности в последние годы и даже десятилетия не означает автоматической реабилитации идеи революции в силу того, что действительно успешных революций (кроме нескольких «цветных» с сомнительными последствиями) она не влечет.

поверхностном уровне являют собой попытки предупредить или напугать. На самом деле они означают молчаливое признание того, что мир, в котором идея революции дискредитирована, не перестает от этого нуждаться в переменах, и потому обречен на повторение своего рода контролируемых апокалипсисов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Инглэнд Дж.А. Незанятый мир. URL: <http://fantasy-worlds.net/lib/id29995/read/> (дата обращения: 01.03.2021).

Казачков Д. Перегрузка. URL: <http://fantasy-worlds.net/lib/id17285/read> (дата обращения: 01.03.2021).

Мунье Э. 1999. Манифест персонализма. Москва : Республика. 558 с.

Соловьёва Т. 2020. Великая перегрузка. Четвертая промышленная революция. Куда нас всех ведут, 17.11.2020. URL: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html> (дата обращения: 01.03.2021).

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. 2020. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? // Свободная мысль. № 3. С. 9–28.

Фрейд З. 2013. Будущее одной иллюзии. Харьков : Фолио. 160 с. URL: https://librebook.me/the_future_of_an_illusion/vol1/1 (дата обращения: 01.03.2021).

Baert S. et al. 2020. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences : Technical Report / S. Baert, L. Lippens, E. Moens, P. Sterkens, J. Weytjens ; Institute of Labor Economics // Discussion Paper Series. May. 37 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp13229.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

Contreras F. et al. 2020. E-Leadership and Teleworking in Times of COVID-19 and Beyond: What We Know and Where Do We Go. DOI 10.3389/fpsyg.2020.590271, 11.12.2020 / F. Contreras, E. Baykal, G. Abid // Front. Psychol. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.590271/full> (дата обращения: 01.03.2021).

Massimo F.S. 2020. Impact of the Covid-19 confinement measures on telework in France : A qualitative survey / European Commission. JRC Technical Report. 56 p. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc122669.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

Schwab K., Malleret T. 2020. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing. 212 p. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Song Y., Gao J. 2020. Does Telework Stress Employees Out? A Study on Working at Home and Subjective Well-Being for Wage/Salary Workers. DOI 10.1007/s10902-019-00196-6 // Journal of Happiness Studies. № 21. P. 2649–2668. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10902-019-00196-6> (дата обращения: 01.03.2021).

Shi Xiao et al. 2020. Factors Influencing Teleworking Productivity – a Natural Experiment during the COVID-19 Pandemic. DOI 10.32866/001c.18195, 22.12.2020 / Shi Xiao, Anne Vernez Moudon, Brian H.Y. Lee, Qing Shen, Xuegang (Jeff) Ban // Findings. URL: <https://findingspress.org/article/18195-factors-influencing-teleworking-productivity-a-natural-experiment-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 01.03.2021).

Toscano F., Zappalà S. 2020. Social Isolation and Stress as Predictors of Productivity Perception and Remote Work Satisfaction during the COVID-19 Pandemic: The Role of Concern about the Virus in a Moderated Double Mediation. DOI 10.3390/

su12239804 // Sustainability. № 12 (23). 9804. 14 p. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/23/9804> (дата обращения: 01.03.2021).

Varoufakis Y. 2020. The Seven Secrets of 2020, 28.12.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (дата обращения: 01.03.2021).

Winter Oak. 2020. Klaus Schwab & His Great Fascist Reset, 12.10.2020. URL: <https://off-guardian.org/2020/10/12/klaus-schwab-his-great-fascist-reset/> (дата обращения: 01.03.2021).

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

ResearcherID: K-2346-2018

SPIN-код: 8725-9656

Article received 01.02.2021, accepted 10.03.2021, available online 05.04.2021

Remote Jobs During COVID-2019 Pandemic: Fulfillment of Desires and “Apocalypse-lite”

Abstract. This article focuses on expectations in society related to COVID-2019. It is shown that these expectations suggest a picture of future that is close either to a dystopian one or to the one with clear dystopian background. The author proves that such crisis situation and the catastrophic way out of it provokes not just the negative response in the souls of many people being an important part of at least European culture, which we are part of. Life in a pandemic is, in a sense, the satisfaction of desires arising from the new opportunities given by the situation and the expansion of the boundaries of the former freedom. It is no coincidence that the current discourse about remote employment operates in terms of contentment, happiness, and fulfillment of desires. The role of “light-apocalypse” in modern culture is considered. The author concludes that we have entered an era when such “light-apocalypses” partly replace discredited revolutions and associated hopes in public consciousness and unconsciousness. Therefore, nowadays the frequent promise of further catastrophes means a tacit recognition that a world with discredited idea of revolution is still in need for changes, and therefore is doomed to a repetition of controlled apocalypses.

Keywords: COVID-2019; utopia, dystopia; wish fulfillment; distance employment; happiness; “light-apocalypse”.

For citation: Fichman L.G. *Udalennaya zanyatost' v period pandemii COVID-2019: ispolnenie zhelaniy i «apokalipsis-layt»* [Remote Jobs During COVID-2019 Pandemic: Fulfillment of Desires and “Apocalypse-lite”], *Antinomii = Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 45-60. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-45-60 (in Russ.).

The work was supported by the research project under the RFBR grant No. 20-04-60337 “Optimization of socio-economic principles of modern societies regulation in the context of the coronavirus pandemic consequences”.

References

Baert S., Lippens L., Moens E., Sterkens P., Weytjens J. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences : Technical Report; Institute of Labor Economics, *Discussion Paper Series*, 2020, may, 37 p., available at: <http://ftp.iza.org/dp13229.pdf> (accessed February 10, 2021).

Contreras F., Baykal E., Abid G. E-Leadership and Teleworking in Times of COVID-19 and Beyond: What We Know and Where Do We Go. DOI 10.3389/fpsyg.2020.590271, 11.12.2020, *Front. Psychol.*, 2020, available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.590271/full> (accessed February 10, 2021).

England G.A. *Nezanyatyty mir* [Unoccupied World], available at: <http://fantasy-worlds.net/lib/id29995/read/> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Fishman L.G., Martyanov V.S. *Posle koronavirusa: ot optimizirovannogo starogo k novomu miru?* [After Coronavirus: From Optimized Old to New World?], *Svobodnaya mysl'*, 2020, no. 3, pp. 9-28. (in Russ.).

Freud S. *Budushchee odnoy illyuzii* [The future of one illusion], Kharkiv, Folio, 2013, 160 p., available at: https://librebook.me/the_future_of_an_illusion/vol1/1 (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Kazakov D. *Perezagruzka* [Reboot]. available at: <http://fantasy-worlds.net/lib/id17285/read> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Massimo F.S. *Impact of the Covid-19 confinement measures on telework in France : A qualitative survey*, European Commission, JRC Technical Report, 2020, 56 p., available at: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc122669.pdf> (accessed February 10, 2021).

Mounier E. *Manifest personalizma* [Manifesto of Personalism], Moscow, Respublika, 1999, 558 p. (in Russ.).

Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. Forum Publishing, 2020, 212 p., available at: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf (accessed February 10, 2021).

Shi Xiao, Vernez Moudon A., Lee B.H.Y., Qing Shen, Ban X. Factors Influencing Teleworking Productivity – a Natural Experiment during the COVID-19 Pandemic. DOI 10.32866/001c.18195, 22.12.2020, *Findings*, 2020, available at: <https://findingspress.org/article/18195-factors-influencing-teleworking-productivity-a-natural-experiment-during-the-covid-19-pandemic> (accessed February 10, 2021).

Solovyeva T. *Velikaya perezagruzka. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Kuda nas vsekh vedut*, 17.11.2020 [The Great Reset. The fourth industrial revolution. Where are we all being taken], available at: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html> (accessed February 10, 2021). (in Russ.).

Song Y., Gao J. Does Telework Stress Employees Out? A Study on Working at Home and Subjective Well-Being for Wage/Salary Workers. DOI 10.1007/s10902-019-00196-6, *Journal of Happiness Studies*, 2020, no. 21, pp. 2649-2668, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10902-019-00196-6> (accessed February 10, 2021).

Toscano F., Zappalà S. Social Isolation and Stress as Predictors of Productivity Perception and Remote Work Satisfaction during the COVID-19 Pandemic: The Role of Concern about the Virus in a Moderated Double Mediation. DOI 10.3390/su12239804, *Sustainability*, 2020, no. 12 (23), 9804, 14 p., available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/23/9804> (accessed February 10, 2021).

Varoufakis Y. *The Seven Secrets of 2020*, 28.12.2020, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (accessed February 10, 2021).

Winter Oak. *Klaus Schwab & His Great Fascist Reset*, 12.10.2020, available at: <https://off-guardian.org/2020/10/12/klaus-schwab-his-great-fascist-reset/> (accessed February 10, 2021).